НАХОДКА ЗАПИСИ ЛЕКЦИЙ ГЕГЕЛЯ 1817 года В ЧАСТНОМ АРХИВЕ, В ЛЮЦЕРНЕ

Карен Глой (Люцерн, Швейцария)

Сам случай находки старых рукописей сегодня редкость, но насколько же большую значимость он имеет, если оказывается, что найденные рукописи обладают ценностью для научных исследований! Один такой счастливый случай произошел в 1984 г., когда нынешний обладатель одной из наиболее значительных частных библиотек Швейцарии, историк искусства из Люцерна доктор Франц Антон Гуд во время работы в архиве среди рукописей своего прадеда, носившего то же имя, нашел запись лекционного курса Гегеля. Она была сделана в 1817 г., во время обучения Франца Антона Гуда в Гейдельберге в качестве студента юриспруденции. Рукопись имеет название: «Логика и метафизика, прочитано г-ном проф. Гегелем по его Энциклопедии фил. наук в летнем семестре 1817 г.» Эта находка инициировала дальнейшие поиски, в результате которых было обнаружено еще немало более или менее значительных лекционных записей. Среди них записи лекций предшественника Гегеля в Гейдельберге Якоба Фридриха Фриса: «Различные замечания и заявления коллегии физики» зимнего семестра 1815/1816 гг. и «Психология летнего семестра 1816 г., которые сейчас изучаются издателем трудов Фриса проф. др. Кенигом из Бохумского университета. В то же время философский институт при теологическом факультете в Люцерне работает над изданием гегелевской записи, которая должна появиться в серии издательства «Майнер»: «Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Лекции. Избранные записи и рукописи»[1].

Между тем завершившиеся филологические и философские исследования анализируемой записи лекций Гегеля выявили ее значимость в трех отношениях:

I. Так, долгое время не было известно, был ли вообще Гегелем в летнем семестре 1817 г прочитан курс лекций «Логика и метафизика»: он был им объявлен, но — что примечательно — не был, как это тогда полагалось, документально отмечен ректоратом после начала чтения лекций. Имелись, правда, некоторые недостаточно подкрепленные свидетельства в пользу того, что лекции все же состоялись: они есть в письмах учеников Гегеля к своим родителям; кроме того, в гарвардской библиотеке был обнаружен один гегелевский текст, который Клаус Дюзинг и Хайнц Киммерле предположительно расценили как введение в курс лекций «Логика и метафизика» летнего семестра 1817 г.[2] Однако указанные доказательства не были несомненными. И лишь теперешняя находка и обнаруженное также свидетельство о посещении его лекций, которое Гегель сам выдал Францу Антону Гуду 20.09.1817 г., сделали этот факт достоверным.

II. С наибольшей вероятностью речь идет о записи под диктовку Гегеля и тем самым об аутентичной передаче гегелевских идей и аргументов, что делает этот текст особенно ценным для научного исследования.

В то время вообще использовались три формы чтения лекций:

— чтение по заранее подготовленному тексту, при этом материал лекции диктовался;

— чтение по собственным или чужим книгам, содержащим краткое

изложение курса; так поступал, например, Кант, когда, поясняя на примерах абстрактные дефиниции, комментировал «Метафизику» Баумгартена и «Извлечение из учения о разуме» Майера, считавшиеся школьными учебниками;

— свободное изложение материала, как его ввел Фихте, снова и снова представляя свое наукоучение в различных аспектах

В йенский (1801—1807) и гейдельбергский (1816—1818) периоды своей преподавательской деятельности, а иногда и в Берлине (1818—1831) Гегель читал лекции под диктовку. При этом он диктовал основной текст, более или менее свободно делая к нему примечания. Хотя в объявлении о курсе лекций «Логика и метафизика» на летний семестр 1817 г. эта форма чтения определенно не указана, целый ряд признаков формального и содержательного рода свидетельствуют именно о диктанте.

1. Дошедшая до нас рукопись производит впечатление очень аккуратного, чистого и упорядоченного текста, написанного спокойным, ровным почерком с минимальными перечеркиваниями, исправлениями и возможностями разночтения. Если бы речь шла о записи свободного устного изложения, то, естественно, следовало бы ожидать меньшей аккуратности. Такие лекции записаны обычно неровным почерком, со многими зачеркиваниями, надписываниями, исправлениями и неясными местами

2. Тексты, записанные непосредственно на лекции, обычно содержат только краткие, зашифрованные предложения, сохраняющие только важные существительные и опускающие менее важные глаголы. Дошедший же до нас текст, напротив, целиком состоит из полностью сформулированных предложений, часто очень сложных, с запутанной конструкцией.

Эти аргументы могли бы также свидетельствовать и в пользу того, что перед нами лишь переписанный в домашних условиях чистовик, что вполне обычно для того времени. Чаще всего конспекты лекций переписывали набело профессиональные переписчики, получавшие за это дополнительный заработок, а иногда и сами присутствовавшие на лекции. Однако в данном случае эта возможность исключена ввиду следующих обстоятельств:

(1) Сравнение найденной рукописи с другими лекционными тетрадями Гуда, его дневниковыми записями, памятными записками и т. п. не оставляет никакого сомнения в том, что все они написаны одной и той же рукой, а именно рукой самого Гуда, а не постороннего переписчика.

(2) Эта рукопись не может быть чистовиком, выполненным профессиональным переписчиком, уже по той причине, что для последнего недопустимы те ошибки, которые мы находим в тексте. Гуд же был студентом юриспруденции, а не философии. Его вполне понятная неосведомленность в специальной философской терминологии проявляется, например, в ошибочном написании впервые встречающихся в лекции личных имен и названий философских школ. Уже при повторном упоминании Гуд записывает их верно. Примеры тому: «Huge» вместо «Hume» или «Eneatisch» вместо «Eleatisch». К тому же Гуд не был столь сведущ в философствовании, чтобы смочь лишь на основании конспективных записей так точно воспроизвести стиль Гегеля, как он представлен в найденной рукописи. Более того, даже профессиональный переписчик, который был бы лучше знаком с системой Гегеля, не смог бы передать точно в гегелевском стиле столь трудные и сложные положения.

(3) В пользу непосредственной диктовки и против последующей переписки

свидетельствует не только тот факт, что в конце рукописи проставлена, как было принято, дата окончания лекционного курса, но также то обстоятельство, что на полях отмечены почти все даты лекций, а иногда даже их время. Более того, на полях рукописи, после даты лекции, мы находим сведения о погоде, что решительно свидетельствует против предположения о последующей домашней обработке.

(4) Хотя вся рукопись написана одинаково ровным почерком, при более внимательном рассмотрении в нем можно обнаружить некоторые различия, соответствующие отдельным датам. Кроме того, к концу лекции письмо становится заметно небрежнее, более беглым, что объясняется утомлением. В начале следующей лекции мы снова видим узкий, сжатый, равномерный почерк.

(5) Количество записанного на лекции — от полутора до двух с половиной страниц — соответствует по времени одному лекционному часу.

(6) Лекция прерывается вне зависимости от конца параграфа или смыслового отрезка, очевидно, прямо по звонку и продолжается на следующем занятии.

(7) Лекция содержит много очень сложных, вычурно построенных предложений, которые характерны для Гегеля, но необычны для других авторов.

Этот ряд свидетельств позволяет, без сомнения, говорить о том, что мы имеем дело с диктантом и, следовательно, с аутентичным текстом Гегеля. Большинство других, дошедших до нас лекционных записей, как, например, текст гегелевских лекций «Естественное право и наука о государстве», записанный студентом юриспруденции П. Ваннеманом, были выполнены дома на основании законспектированного материала. Эти тексты часто выказывают неуклюжесть в передаче мысли, ошибки при перенесении исходных записей в чистовик, недостаточное понимание материала и т. д., что позволяет говорить о вхождении слушателей в русло гегелевской мысли лишь непосредственно по ходу лекции. В данном же случае мы с самого начала имеем дело с практически совершенной передачей текста лекции, что делает эту рукопись особенно ценной.

III. *Наибольшее значение эта запись, несомненно, имеет для* реконструкции идейного развития Гегеля в 1817—1827 гг., т. е. между первым и вторым изданиями «Энциклопедии философских наук».Самим Гегелем «Энциклопедия» издавалась трижды, у одного и того же издателя и в том же месте, в первый раз — в 1817 г., потом — в 1827 и, наконец, в 1830. По сравнению с довольно малым объемом первого издания второе выросло до вдвое большего количества страниц (равный объем сохранен и в третьем), оно содержит сто новых параграфов, а также разработку так называемого «предварительного понятия», где более основательно исследуется место современных автору философских теорий в дискуссии об основополагающих вопросах гносеологии, касающихся отношения мышления к бытию. В этом издании предпринимается также частичное преобразование последовательности категорий. Третье же издание отличается от второго в гораздо меньшей степени. Правда, его содержание также местами несколько расширено и модифицировано, в соответствии с чем проведена формальная перегруппировка категорий — Лассон[3] насчитывает всего 3600 изменений. Однако по сравнению с содержательными различиями между первым и вторым изданиями изменения в третьем носят скорее стилистический харак-

тер. Они касаются более адекватных формулировок, более аккуратных и точных выражений, более характерных оборотов речи. Курс лекций «Логика и метафизика» 1817 г. уже в своем подзаголовке содержащий ссылку на «Энциклопедию», как раз в 1817 г. выходившую в первом издании, и был предпринят Гегелем с намерением ее комментировать. Поэтому для содержательного развития от первого ко второму изданию он, несомненно, имеет большое значение.

Издание «Энциклопедии философских наук» в 1817 г. имело скорее внешнюю причину. Книга должна была дать ориентиры для лекционной деятельности Гегеля. В начале преподавательской работы в Гейдельберге Гегель должен был представить целостную концепцию своей философии, которую в течение последующих семестров следовало детализировать и разработать в частностях. Это определялось тем порядком, который был принят в университетах и на высших ступенях гимназий. Отсюда двойная задача «Энциклопедии»: во-первых, она должна была представить обзор системы философии и ее основных частей: логики, философии природы и философии духа, а также их разделов, т. е. членения логики на логику бытия, сущности и понятия; философии природы — на математику, неорганическую и органическую физику; философии духа — на учения о субъективном, объективном и абсолютном духе, которые находят свое воплощение соответственно в психологии, в учениях о праве и морали, в религии и философии. Во-вторых, «Энциклопедия» должна была дать схематический набросок мыслительных определений — категорий как манифестаций идеи, точнее, духа — в их развитии, проходящем через различные части философской системы. Отсюда естественным образом следовал ее двойной недостаток: во-первых, схематическому изложению содержательно недоставало подробности, которая могла быть достигнута лишь при помощи примеров и пояснений к сухому материалу параграфов; во-вторых, ей формально недоставало разработки аргументативного обоснования, проведения дедукции, что для научной философии необходимо. Устранение этих недостатков было задачей лекционных курсов. Лекции о логике и метафизике должны были начаться с доработки первой части — науки логики. За ними должны были последовать другие курсы: о философии природы и философии духа. И мы видим, что лекции выполняют этот программный замысел. Так, курс «Логики и метафизики» хотя и комментирует «Энциклопедию», но в отличие от нее представляет собственное построение и ход аргументации, в которых предвосхищается многое, что станет достоянием лишь последующих изданий «Энциклопедии».

Основные отличия, которые мы находим в лекциях, за исключением намечающегося расширения категориального ряда в главе о сущности, связаны с «предварительным понятием». В «Энциклопедии» глава, посвященная «предварительному понятию», следует за введением, в ней дается дефиниция логики, точнее того, что Гегель понимает под логикой, а затем методически эксплицируются основные методические операции Гегеля: рассудочное или абстрактное, отрицательно-разумное или диалектическое, положительно-разумное или спекулятивное. Затем с позиции Гегеля производится размежевание с предшествующими метафизическими учениями, а именно с рационалистической метафизикой, стремящейся к постижению абсолютного, бесконечного при помощи пустых (Blossen) понятий; с эмпиризмом, который ставит под вопрос рационалистическую метафизику, однако сам ищет опору только в эмпирическом; далее, с предпринятой Кантом, но не доведенной до конца попыткой объединения этих двух концепций, ограничивающей применение рассудочных понятий миром явлений и отка-

зывающей им в постижении абсолютного, бесконечного, божественного. Последний параграф содержит дальнейшее разделение науки логики на учения о бытии, о сущности и о понятии, которые рассматриваются в основной части «Энциклопедии».

Лекционный курс также начинается с определения логики в гегелевском понимании, а именно как науки об идее — об абсолютном духе — в элементах мышления, т. е. как науки о чистой, неприкладной идее. Но в лекциях, в отличие от «Энциклопедии», это определение логики с самого начала помещается в контекст ее общей характеристики и представляется как результат имманентного логического процесса, кругового движения («Энциклопедия» же приводит к этому утверждению лишь в своем конце), вследствии чего логика оказывается не только основанием и введением в философию вообще, включая ее прикладные дисциплины, но также и результатом развития идеи в ее саморассмотрении. Она представляет собой не только начало и конец, основание и цель, но также процесс, имманентную движущую душу целого, т. е. и часть, и вместе с тем целое. Таким образом, лекции с самого начала находятся под знаком идеи кругового движения — типично гегелевской фигуры мысли, в которой выражается основополагающее убеждение философа в том, что целое, тотальность, абсолют доступны мышлению. Философская концепция Гегеля целиком рационалистична, она не отшатывается от абсолюта, но включает его в круг своей понятийности. Принятый в лекциях вариант начала изложения имеет то преимущество, что он делает основную идею Гегеля путеводной нитью и ориентиром для всех последующих рассуждений.

Это же обстоятельство позволяет создать горизонт рассмотрения и разъяснения основных методических операций Гегеля, которые сами по себе крайне редко становятся предметом рефлексии в гегелевском сочинении. Гегель, конечно, мастер диалектики, но, как и многие оригинальные философы, не мастер ее истолкования. В описанном выше контексте Гегель определяет рассудочное как всеобщее (всеобщепонятийное), которое проявляется посредством абстрагирования ото всего многообразного, чувственного. Как ни необходимо рассудочное для образования понятий, оно все же недостаточно, поскольку оно закрепляет, останавливает имманентное движение мысли, втискивая его в точные, строгие определения понятий. Диалектика представляет собой обратный момент — момент придания «текучести» (Verflüssigung), который снимает фиксированные, изолированные и односторонние определения и превращает их в противоположность, вскрывает их ограниченность и таким образом ведет к выходу за их пределы. Например, когда на деревьях, которые выглядят мертвыми, весной распускаются цветы и листья, когда право благодаря помилованию и освобождению от наказания становится беззаконием — то это является для Гегеля диалектическим снятием и текучестью затвердевшего, косного. Диалектический момент проявляется как стремление, деятельность во внешней или внутренней жизни, просто как движение. Если же диалектическое понимается только как негативное, как снятие всего прочного, надежного, но в то же время не как момент объемлющего спекулятивного процесса, всегда конституирующегося через противоположность и противоречие, — то в этом случае диалектическое действует как разрушающая сила, как скепсис и сомнение во всем. На таком состоянии нельзя останавливаться, оно должно быть снято и включено в спекулятивное, которое представляет собой единство противоположностей, тождество противоречий и может быть достигнуто лишь посредством антитетики тезиса и антитезиса и синтеза их

обоих. Спекулятивное или позитивно-разумное есть снятие отрицания, отрицание отрицания и тем самым утверждение, такое утверждение, которое содержит в себе отрицание. Одно лишь спекулятивное — живое, оно никогда не остается не только односторонним, косным, мертвым, не только отрицательным, разрушающим, но объединяет и то и другое в форме снимающего самого себя и возрождающегося процесса. Даже Бог, высшая форма жизни, есть высшее разделение и вместе с тем высшее единство.

Далее на зафиксированном основании следует рассмотрение и размежевание с традиционными метафизическими теориями в аспекте отношения мышления к бытию. В этом лекции о логике и метафизике предвосхищают позднейшую разработку и структуру второго издания «Энциклопедии философских наук», где метафизические концепции рассматриваются под собственными рубриками как первое, второе и третье отношения мысли к объективности.

Гегель показывает, что достичь познания абсолютного не может ни рационалистическая метафизика лейбницевско-вольфианского толка, претендующая на познание абсолюта посредством пустых (blossen) понятий, ни противоположная ей установка эмпиризма, все основывающая на чувственном познании, ни трансцендентальная философия Канта, ограничивающая употребление рассудочных понятий областью явлений и отрицающая возможность их сверхчувственного применения для познания абсолюта. Последняя остается тем самым в области конечного, останавливаясь на утверждении противоположности между мыслительной определенностью, точностью (Bestimmtheit) и действительным (wahrer) тождеством. Согласно Канту, противоречия, возникающие из стремления разума к тотальности, принадлежат не вещи в себе, но нашему познанию, направленному на нее.

Решение же, предложенное Гегелем, заключается, напротив, в том, чтобы посредством снятия различия между конечным и бесконечным, посредством включения их в некий более широкий процесс, объединяющий мышление и бытие (вещь в себе), посредством прохождения через разделение достичь единства. Как в «Энциклопедии», так и в лекциях о логике и метафизике в основании рассуждений Гегеля лежит концепция диастолы и систолы, саморазделения единства и воссоединения разделенного с самим собой в новое, объемлющее единство и тотальность. Но в лекциях, в отличие от первого издания «Энциклопедии», это положение, во-первых, составляет начало и постоянный ориентир всего исследования; во-вторых, достигает мыслительной строгости и точности, что позволяет установить направления дальнейшей разработки концепции о трех отношениях мысли к объективности и, в-третьих, помещает в центр исследования рассуждения о Боге, целостности и тотальности, в особенности об отношении мышления к бытию. На этом основании найденная запись лекций 1817 г. должна расцениваться как веха на пути ко второму изданию «Энциклопедии философских наук», как значительный этап в становлении стратегии гегелевской аргументации.

[1] Рукопись была впервые представлена мною на конференции Международного гегелевского общества, состоявшейся в местечке Фихт (Австрия) 25—28 мая 1989 г.

[2] *Düsing K., Kimmerle H.* Ein Blatt aus Hegels Heidelberger Zeit. Aus der Einleitung der Logikvorlesung von 1817 // Hegel-Studien Bd. 6 (1971). S. 39—51.

[3] *Hegel G. W. F.* Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, in 2. Auflage neu hrsg. von Georg Lasson. Leipzig, 1905. S. 503.